

Николай Щербаков

*Музыка
дорог*

Рассказы

Николай Щербаков
Музыка дорог. Рассказы

«Издательские решения»

Щербаков Н.

Музыка дорог. Рассказы / Н. Щербаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831876-4

В прозу Щербакова сначалаходишь как в мелкий прозрачный и теплый ручей, и вдруг вода превращается в застывшее стекло, и ты уже в плену. Одно нетерпеливое движение — и хрупкое очарование фраз разрушится, и ты чувствуешь настоящую боль от осколков. Как он это делает — я до сих пор не могу понять. Может, все дело в мельчайших деталях жизни, которые мы устали замечать, может, в завораживающе доверительной интонации человека. Галина Погутьяк. Писатель, лауреат ГП.

ISBN 978-5-44-831876-4

© Щербаков Н.
© Издательские решения

Содержание

Музыка дорог	6
В больничном парке. Осень	7
Мастер и...	9
Ma sherie	14
Котлета	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Музыка дорог
Рассказы
Николай Щербаков

© Николай Щербаков, 2016

ISBN 978-5-4483-1876-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Музыка дорог

Косой, секущий в стекло снег. Такой же сухой, жесткий шорох, шелест..., нет – шепот колес о полотно автотрассы. Эти два звука: снега и колес – это шепот. Это фон. А основное – это музыка. Тем, кто это знает, понимает, о чем я – в салоне мчащейся по трассе автомашины, любимая, близкая тебе музыка. Chris Rea – гитара, голос, ритм дороги, ничего, более совершенного, так органически сливающегося в одно целое, как музыка Криса Риа и ощущения связанные с мчащейся под колеса дорогой не знаю.

Что-то похожее было в далекой морской юности, когда на мостике в крутой шторм зазвучала поставленная в радиорубке и транслируемая по всему траулеру музыка Вагнера. Знал ли Вагнер, когда писал «Полет Валькирии», каково находится в центре морской стихии, когда она решает потешить себя и гостей своими забавами, не знаю, но он когда-то записал на своих нотных листах вибрации и ритмы Божественной стихии. Гигантские, вздымающиеся выше мачт волны вдруг подчинились музыке Вагнера. И мы были заморожены этим чудом. А Крис исполняет музыку дороги. И дорога подчиняется музыканту.

Трасса между Рязанью и Владимиром. Только что проехал мост через Оку, и через несколько минут лесная, зимняя дорога. Мещерские леса. Стены сосен с двух сторон дороги сменяются стенами белоснежных пирамид елей, холмами снежных шапок лиственного леса. Пелена непрекращающегося несущегося над дорогой снега. Он еще не заносит трассу, но белая рвущаяся пленка поземки колышется над дорогой. За белой пеленой четко видны только ближайшие у дороги деревья, все остальное – серо-голубая стена, уносящаяся назад, куда, кажется, возврата нет. Стремительно меняющийся зимний пейзаж, зимний лес, перелески, одинокая поляна и снова нависающие над дорогой шапки снега на ветвях.

Промелькнувшая среди деревьев деревенька вызвала странную мысль. За окном крайней избы кто-то, возможно, глоток чая успел сделать, а передо мной за эти секунды промелькнула вся деревня с избами, и колокольней, и идущей по улице бабой с сумками. И история с этой бабой, сложившаяся в голове под несколько аккордов Криса. Промелькнуло и пропало, оставив в памяти заснеженную расплывчатую картинку. А впереди только петляющая трасса, шорох шин и музыка. Крис поет о солнечном летнем дне, а за окном снежная пелена. Редкая встречная машина, мелькнувшая подфарниками и вновь стремительное одиночество. Удивительное сочетание рассеяемого снежного пространства, пульсирующей музыки и покоя, тепла, удобного кресла, мягких подушек рулевого колеса. Странное сочетание, вызывающее желание, чтобы это длилось бесконечно.

Уже не первый год не сажусь за руль. И усталая нога уже давно не подрагивает на педали акселератора. А картины за окнами мчащегося автомобиля не забылись. И стоит зазвучать знакомым аккордам, и вот уже поплыли за окнами поляны, перелески и впереди мигают, зовут приближающиеся огоньки..., огоньки дороги длиною в жизнь.

В больничном парке. Осень

Самая ранняя осень. У Федора Тютчева «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора...», но я о той, что еще раньше. Период короткий, как первый взмах дериджорской палочки. Примет этой поры много, но только для наблюдательного глаза. Днём обычный летний день, тепло, даже жарко. Но утром! Воздух. Прозрачный, прохладный до озноба, чистый – не надышишься. Спросите, где так дышится? Это парк. Прекрасный парк, которому уже достаточно лет, чтобы выросли до могучих размеров сосны, ели. Чтобы берёзы и липы сомкнулись кронами, образовав благородную тенистую зону у своих стволов, добротнo укрепившихся в зеленеющей разнотравьем земле.

Только парк этот, не парк отдыха, и не «культуры и отдыха». Это больничный парк в спальном районе крупного южного мегаполиса. Просторный парк за чугунной оградой, раскинувшийся вдоль проспекта, ставший украшением этого района. С тенистыми аллеями, с фонтанами, с больничными корпусами, скрытыми за кронами высоких деревьев, с детскими игровыми площадками. И стоит отойти вглубь парка от ограды и не слышно шума города. Хотя, надо отдать должное, нынешние города стали менее шумными. Потоки машин, какими бы многочисленными они не были, шуршат шинами, да изредка скрипят тормозами. Народ идет молча, занятый самим собой. Никаких других звуков, доносящихся из-за ограды парка, я не слышу. И не стараюсь слушать.

Сию на старомодной, удобнейшей из удобных, скамейке, стоящей в глубине парка на развилке аллей. Это те скамейки, у которых тяжелые литые боковины, и сиденья со спинками из толстых брусков образуют посадочное место, удобное всеми своими изгибами, и ногу за ногу забросить непроизвольно хочется. Одним словом – удобно.

В больничном парке всегда есть о чем подумать. Обстоятельства, по которым сюда попадаешь, настраивают на размышления о жизни. И, что замечательно, восприятие этой жизни обостряется. И окружающий тебя мир видишь другим. Мелочей больше видишь. Замечаешь то, на что раньше бы не обратил внимания. Когда бы вы раньше, в жизненной спешке приглядывались рано утром к приметам ранней осени? Они ведь еле заметны. Например, в еще зеленых кронах деревьев появились островки, или пятна, а скорее всего это отдельные ветки с бурными листьями. Эти листья, рано пожелтевшие – предатели. Они готовы будут осыпаться еще до отмашки, которую даст осень первым холодным ветерком, как правило, утренним. Вспомните, вы утром выходите из дома, а земля усыпана золотым ковром. Это новая хозяйка – осень, сама себе встречу пышную, парадную готовит.

И радуется вы этой красоте – осень золотая пришла. А она давно подкрадывалась, готовила ритуальный декор. «Подмалевок» делала, чтобы потом свежими, яркими красками расписать картину мира. А пока тихо осыпаются, кружат в воздухе, золотым кружевом на зеленой траве ложатся эти первые, ранние предвестники.

Сию, рассматриваю первоначальный декор осени, появление среди зелени листвы и травы бурых и охристых оттенков, из-за которых просветы неба в кронах сосен стали ярко-голубыми, а стволы и контуры всего окружающего четкими и контрастными. Бродячие ветерки шевелят осыпавшихся «предателей», шуршат, шелестят. Мысли текут неспешно, выбирают в больничной буднях добрые новости, пытаются строить недалекие планы.

Из боковой аллеи, на ту, где сижу я, вышел человек. Смотрит человек в землю, подходит так медленно, что я успеваю отвлечься от него, и обращаю вновь внимание, только когда он оказывается напротив. Мужчина с седыми, непричесанными волосами, в мешковатом, спортивном костюме, большого размера шлепанцах. Прошел мимо, шаркая по гравию аллеи, подволакивая ногу, не глянув в мою сторону. То, что это пациент больницы, очевидно. Человек

тяжело болен и, скорее всего, перенес недавно операцию. В болезненной сутулости, в гримасе на лице боль, отрешенность, обреченность, безразличие.

Человек прошел мимо, и я отвлекся на собственные мысли. И когда боковое зрение отметило что-то не ожидаемое, я глянул в сторону, куда он ушел. Оказалось, что он никуда не ушел и стоит рядом в нескольких шагах. К тому же оказалось, что у него в руках палка, и он стоит, опершись на неё обеими руками. Стоит он у края дорожки и смотрит на газон. Лица его не видно, но по напряженной позе понятно, что он что-то увидел, и увлечен этим. Даже, показалось мне, что он немного распрямился. Я проследил за его взглядом. Сначала я увидел торчащий в опавших листьях серый полосатый столбик. Присмотревшись, а вернее, когда этот столбик зашевелился, я разглядел, что это кошка. Кошка стоит на задних лапах и, поджав передние к животу, внимательно разглядывает что-то перед собой. Периодически она опускается на передние лапы и, как бы, напрягаясь, готовится к прыжку. Потом снова расслабляется, опять поднимается на задние лапы и принимает вид созерцающего восточного божка.

Так происходит с частотой раза три в течение полуминуты. Теперь я проследил за взглядом кошки и увидел белку. Это создание, в отличии от её наблюдателей, мечется, только на мгновения замирая, чтобы взглянуть на них и снова меняет позицию. Задача её становится понятна в первую секунду. Она дразнит кошку. Тактика проста. Она вертится вокруг толстого ствола сосны на высоте не выше своего роста. Выглянув из-за ствола с одной стороны, и почувствовав напряженное внимание кошки, она молниеносно переносится на другую сторону и выглядывает оттуда. При малейшем движении кошки она также молниеносно взлетает на ствол и замирает в вертикальном положении головой вниз. Оттуда она несколько мгновений презрительно рассматривает свою наблюдательницу и, когда та заметно теряет охотничий интерес, сбегает на землю и в полуметре от кошки начинает копошиться в листве. Кошка вновь напрягается для прыжка, а белка оказывается на стволе на безопасной высоте. При этом она обязательно демонстрирует то пушистый хвост, то остренький нос с разных сторон ствола.

Сцена вдруг приобретает дополнительного актера. Оказалось, что зрителей было больше, чем предполагалось. С верхних сучьев стоящей рядом сосны раздался хриплый «карр», и ворона, демонстративно захлопав крыльями, спустилась на нижние сучья и устроилась буквально над участниками этой возни. Теперь все продолжилось с комментариями. Ворона не пропускала ни одного движения на земле без своего мнения. Её шумный характер придал, до этого интимной сцене, такую огласку, что молча наблюдавший за ними мужчина, обернулся ко мне и, как бы, приглашая в свидетели, улыбнулся, кивнув на ворону. Мы все уже стали невольными участниками возможно необычного эпизода из жизни парка. Как будто маленькие обитатели этих мест собрались специально под сосной и разыграли незатейливую сценку для нас, попавших к ним в гости не по своей воле.

Мужчина еще раз обернулся ко мне, и мы обменялись улыбками понимания. В очередной раз раздается хриплый крик вороны, планируя, на траву опускается еще пара бурых листьев, серебристый хвост белки мелькает на стволе сосны. Шуршит упавший лист, хлопает крылом перелетевшая на другую ветку ворона и между этими звуками звенящая тишина. Осень скоро.

Мне пора в палату. С неохотой встаю, прохожу мимо мужчины, мы обмениваемся кивками. Лицо человека разгладилось, пропала тень недавней боли. В конце аллеи оборачиваюсь. Мужчина стоит все в той же позе. Тишина.

Мастер и...

Вечерние сумерки накрывали поселок крадучись, опускаясь на дворы и улицы мягкой, пепельной дымкой. Кроны сосен, еще недавно золотившиеся в лучах заходившего солнца, резко обозначились четкими контурами на темнеющем, с розовыми разводами небе. Балкон дачи смотрит на юго-восток, и участок неба, видимый среди густых крон, темнеет быстро. Сосны, нагретые за день жарким августовским солнцем, затопили все пространство дачного поселка вязким, терпким ароматом хвои и смолы. Аромат, казалось, был гуще самого воздуха.

Где-то звали какого—то Лешку. Звали как-то безнадежно, уже не первый раз. Прошуршали, одна за другой машины, прозвенел, удаляясь, звонок велосипеда. За домами протяжно засвистела и застучала колесами на стыках рельс отходящая электричка, а через несколько минут за забором проскрипела чья-то тележка, и послышался негромкий разговор. Шли, видимо, дачники, приехавшие этой электричкой. Тишина заполняла все большие промежутки времени в крадущемся по поселку вечере. Все четче становились запахи, все глуше становились краски. Вот с потоком вечернего ветерка на балкон добрался мягкий аромат цветущего табака, вот ночная фиалка тонкими флюидами, вплетающимися в букет запахов, дала знать о наступлении её времени. С ближних веток прощально свистнула вечерняя птица. В дальних кустах у забора устраивалась на ночлег, трепетала крыльями, тихо чирикала, шелестела ветками компания воробьёв. А к запахам двора добавлялся особый запах бревенчатой, старой, как и сам дом мансарды.

Стас вытер салфеткой с низкого столика многодневную пыль, достал из сумки бутылку «Каберне», нарезку сыра, поломал руками сайку и положил вместе с сыром на развернутую салфетку. Идти вниз за тарелками и столовыми приборами не хотелось. Что-то в этом аскетизме и предстоящем «холостяцком» ужине Стаса устраивало. Натюрморт на столике завершила матовая вазочка с засохшим полевым букетиком, снятая с полочки. «Боже мой, как хорошо!», вытянув ноги до перил балкона, подумал, потянулся было к бутылке, и понял, что без стакана не обойтись. Пить из горлышка будет перебором. Спустился на кухню, на полке, среди стаканов и кружек нашел бокал на высокой ножке, помыл и поднялся снова в мансарду. Балкон был уже в темноте. Свет включать не стал. Свет теперь горел только внизу, на кухне. Кусты и деревья во дворе громоздились черными кушами, между шапок сосен мигнула одинокая первая звезда. Пожалуй, это хорошо, что друг детства Андрей привез его к себе на дачу и уехал. Сейчас он приговорит бутылочку, расслабит, подышит этими ароматами дачной ночи и ляжет спать. И спать будет, пока Андрей не придет. Вино и вечер в одиночестве помогут отодвинуть, забыть командировочную суету, корпоративные разборки и интриги, дадут возможность побыть наедине с самим собой. А завтра они с другом поедут на рыбалку, будут купаться в местной речке, бродить по лесу, а вечерами, за бутылочкой или за стаканом чая будут вести нескончаемые беседы «обо всем». На это у Стаса выдались свободные три дня.

Сразу же после хлопка пробки во дворе послышалось тихо, а потом громче: «Андрей Юрьевич!» Стас не спеша встал и склонился за перила балкона. От соседнего слева забора женский голос повторил призывно «Андрей Юрьевич». «Одну минутку», пообещал Стас и пошел спускаться во двор. Во дворе оказалось значительно светлее, чем это виделось с балкона, и Стас быстро нашел проход между кустов и цветов к забору, у которого стоял силуэт.

– Ой, Андрей, это не вы? – удивился силуэт.

– Да..., вот..., я не Андрей, я его друг. Ночью сегодня без него. Он меня только что привез и уехал до завтра. Да..., а завтра он придет. К полудню обещал. А он вам срочно нужен?

Силуэт за забором оказался женщиной средних лет. Тех лет, что называют «бальзаковским возрастом». Даже в темноте Стас разглядел, что на женщине свободно висит бледно-розовая широкая блуза с большим пестрым цветком, из-под которой видны белые капри.

Полоска розовой материи, скрученная в жгут плотно прижимает густые, непокорные, тугие волны волос. Одну руку она положила на заборчик, разделявший участки, второй поправляла волосы, и с видимым удивлением и слегка заметным смущением, рассматривала Стаса. Смущение быстро сменилось веселым дерзким прищуром.

– Нет. Если только завтра..., то... не нужен.

Силуэт снял руку с заборчика, но не уходил.

– Хотя, должна вам признаться, я в безвыходном положении, и вынуждена попросить вас мне помочь. Можно?

– Ну конечно, – великодушно буркнул Стас, а про себя подумал, мол, вот и отдохнул. Сейчас буду двери ломать или электричество ремонтировать. Так что ответ не удивил его.

– Да, друг Андрея, вы отгадали. У меня свет не включается. Вы в пробках разбираетесь?

– Разбираюсь, – пожал он плечами, – погодите, а почему вы решили, что я отгадал? Вы что, мысли читаете?

– Бесхитростный вы мой. Вы так вздохнули с сожалением, что мне расхотелось вас беспокоить. Пойду в темноте переночую. А завтра сама разберусь.

Женщина повернулась к нему спиной и, качнув бедрами, направилась к дому в глубине соседского двора.

– Э, погодите! Вы меня неправильно поняли. Я иду. И немедленно помогу вам.

Стаса вдруг раззадорила ситуация. Женщина оказалась и с норовом, и с юмором. Уступать не хотелось. Тем более..., вечер..., женщина. Широкая блуза и капри, даже в полутьме не скрывали стройной фигуры. И он полез на заборчик. Женщина обернулась на треснувшую ветку.

– А ну-ка! Друг Андрея! Сейчас же слазьте с забора. Это что за способ в гости ходить? Вот там у меня калитка. Давайте, давайте кругом. Я вас встречу.

Ты смотри, удивился Стас. Вот это женщина! А я ведь еще ничего не успел сделать. И он побрел на улицу. Подошел к соседской калитке и язвительно спросил в темноту:

– Здесь живет соседка Андрея, у которой по ночам пробки перегорают?

– Да уж..., милости просим.

Калитка открылась, как только он начал говорить. Его ждали. Над калиткой нависали ветви какого-то дерева или высокого кустарника. В полной темноте его вдруг взяли за руку, и повели во двор. Рука сухая и горячая. И взяла его твердо, не просто вложив пальцы ему в ладонь, как делают многие женщины. Так, держась за руки, они прошли в дом. Женщина предупредила Стаса о ступеньках, порожах. «Вот здесь ковер толстый, не зацепите». Наконец в полной темноте руку Стаса отпустили и голос сказал:

– А я не знаю, что дальше делать.

– Что значит, не знаете? А я? Я ведь даже не знаю, где у вас пробки.

– Пробки..., сейчас я вам их покажу.

Шуршание и легкие шаги слышалось то в одном, то в другом месте. И вдруг, вплотную к нему, толкнув слегка в плечо, оказалось тело женщины. Произошло это так неожиданно, что им пришлось обняться, чтобы не упасть. И Стас почувствовал запах женщины. Не только её духов, а тот таинственный, единственный, присущий каждому человеку. И он растерялся. Не от того, что он стоит, обнявшись с чужой женщиной, которая минуту назад ещё раздражала его своими проблемами. А от запаха и близости её тела, которое было под руками, как то, что бывает у мужчин во сне – идеальное и желанное. Он просто не смог сразу отпустить её. Ощущение этой женщины было таким сильным, что он замер. И когда он отпустил её, понял, что она тоже не спешила оттолкнуться от него. У неё тоже был момент, когда она, как бы, замерла.

– Извините, – пробормотала она.

– Да..., и вы меня... тоже.

– Если хотите, я возьму вас за руку и подведу к счетчику. Я нашла его наощуп. И пробки там же.

Стас, молча, протянул к ней руку. Она снова твердо взяла его и подвела на несколько коротких шагов в сторону. Затем подняла его руку и сказала, что счетчик перед ним.

– Хорошо, отпустите меня.

– Почему?

– Если меня ударит током, то ударит и вас.

– Пусть.

Стас мягко убрал её руку.

– Нет, если меня ударит током, вы будете меня спасать. Договорились?

– Пожалуй, буду.

Счетчик он нашел сразу. Под счетчиком один из тумблеров автомата был просто опущен. Щелчок и вспыхнул свет.

Рядом с ним стояла женщина. Снятую с головы косынку она прижимала ко рту и смотрела прямо ему в глаза. Взгляд больших миндалевидных глаз из под темных густых бровей сначала был очень серьёзный. Потом в глазах сверкнула искорка, женщина улыбнулась и спросила:

– Вы волшебник?

– Нет, – с облегчением сказал Стас, – просто вы, по-видимому, давно здесь не были и не разбираетесь в электричестве.

– Спасибо.

– Да, не стоит. Проводите меня.

– Конечно, конечно. Теперь вы сами все видите, вас не надо за ручку водить.

Зажгла свет в прихожей и на веранде, отбросила на стул косынку и растрепала волосы, взмахнув головой и взбивая руками. «Какая красивая женщина», мелькнуло у Стаса в голове и тут же «уходить или нет?». А как остаться? О-о, пошлость какая! И он направился к калитке. Она шла чуть сзади.

– Завтра гости приедут, меня послали прибраться, а я вот... Что бы я без вас делала?

– А что же муж с вами не приехал?

– Ему..., – помолчав, – некогда. Да и..., в общем,... он не любит здесь бывать.

– А-а, бывает.

Оказавшись у калитки, они снова попали в темноту. Только теперь он, смотревший на неё с улицы, видел её силуэт. Уходить никак не хотелось. Стас помолчал и, чтобы не показаться навязчивым, тихо представился:

– Меня Станиславом зовут. Я однокашник Андрея. Только я живу далеко. На юге. А Андрей, вот, перебрался сюда.

– Ольга, – сделала шутливый книксен.

И, шагнув к нему, взяла за руки и, глядя в сторону, сказала с усмешкой:

– По традициям жанра я должна вас отблагодарить? Пригласить к себе, ну... и... кофе, – опять отступила назад, – ну что я говорю? Не обращайтесь внимания, – помолчав, – а вообще, честно признаюсь, я не хочу, чтобы вы уходили. Ужас. Я сама не понимаю, что я говорю.

– Да, мы запутались в штампах, жанрах, – забормотал Стас, понимая, что сам говорит глупости, – хотя..., мне, признаться, тоже не хочется с вами расставаться.

Через несколько секунд они уже жадно, задыхаясь, целовались.

– Я не могу пригласить тебя к себе, – шепнула она, – понимаешь? Не могу.

Молча, не сговариваясь, снова взявшись за руки, ушли в дом Андрея. Свет везде выключили. Она успокоила его порывы, перебрала по-своему постель, и позвала Стаса.

Позже, уставшие, они, сидя в кровати, пили вино и, говорили. Сидели лицом к лицу, умудрившись сплестись ногами, и по очереди пили из одного бокала. Сначала они выяснили, что оба любят красное сухое вино. Говорили о винах Бордо. «Мерло», «пино-нуар», «каберне-

фран», вспоминалось по несколько раз, с подробностями, где и когда эти вина пили. Выяснили, что и отдыхать они оба любят, не как теперь принято – на зарубежных пляжах, а на своих. И, что удивительно, – предпочтенье отдают оба Кабардинке и Геленджику. Не исключено, что и бывали там в одно время.

Как-то незаметно разговор коснулся музыки, и снова оказалось, что оба любят классику, и обожают Бетховена, и конечно сонаты, и конечно «Патетическую». Вторую её часть напевали хором, дирижируя бокалом и бутылкой. Их забавляла эта общность интересов и совпадений. Вспомнили песню на стихи Евтушенко «со мною вот что происходит, совсем не та ко мне приходит», и её попробовали спеть в полголоса.

Стас не отрывал взгляда от глаз Ольги, у него не проходило ощущение, что он уже давно смотрит в них, и знает весь этот бесконечный набор искорок, прищуров и неожиданных взлетов бровей. Он слышал, или знал этот тембр голоса давным-давно, а может и всю жизнь. Знал и ждал. Как будто пытаясь убедить себя, что это наяву, он проводил пальцем по её густым бровям, по краешкам губ, запускал руки в густые волосы.

А Ольга, вдруг нахмурившись, брала его голову в свои ладони и замирала, вглядываясь в его глаза.

– Я вижу себя в твоих глазах, – делала она неожиданное открытие, – как я там оказалась?

– Ты всегда там была, – серьёзно отвечал Стас.

Целовались долго и жадно. Стас поцеловал ее глаза, уголки губ, усмехнулся и заявил, что первый раз целуется с женщиной.

У Ольги округлились глаза.

– А до этого ты с кем целовался? У тебя с ориентацией...

Стас поцелуем остановил ее.

– Ну что за ерунду ты говоришь. Ты же понимаешь о чем я.

– Пожалуй, понимаю. А кто же были те... женщины?

– Не знаю.

– Ты знаешь... у меня тоже что-то подобное. Что-то в тебе ...не знаю, как сказать... близкое, родное.

Заглянула к ним в гости луна, и замерла квадратом окна на двух сумасшедших восторженных мужчине и женщине, нагишом вытворяющих в кровати немыслимое. В какой-то момент она тихо прошептала. Как бы сама себе. «Я бы такое с мужем не смогла». Он поддержал это, как шутку. «И не надо, это однажды, и только со мной».

Под утро, когда в ветвях деревьев начали просыпаться и попискивать птахи, они лежали усталые, лицом к лицу и удивленно смотрели друг на друга. За одну ночь они стали такими близкими. Их сближали не только разговоры, но и дыхание, взгляды и бесконечная взаимная доверчивость.

– Это была наша ночь, мастер, – сказала она.

– Ты хочешь сказать, что ты Маргарита?

– Нет..., Булгаков не имеет никакого отношения к тому, что я сказала. Просто для меня человек, что-то умеющий делать лучше других – мастер. Это же так просто.

– И что же я делаю лучше других? – рассмеялся Стас.

– Не смейся. Ты лучше других ремонтируешь счетчики, – помолчала, – и ..., – приложила палец к его губам.

В темноте комнаты раздавались тихие трели сверчка. Они практически не замолкали, только слегка меняли тональность. Под эти трели они заснули. Но уже через час Ольга, стараясь не разбудить Стаса, встала, оделась и вышла. В дверях долго смотрела на него, а когда он дрогнул лицом во сне, спешно скользнула за дверь.

Стас проснулся, когда солнце засверкало сквозь стволы сосен. Рядом с окном стучал дятел, на все голоса распевали птахи, где то смеялись дети. Он сел на кровати и первое время

не мог понять, что ему делать. Память держала события ночи до мелочей. До интонаций. Перед глазами стояло лицо Ольги. В её больших глазах была то страсть, то нежность, то вопрос, то лукавство. Полные, красиво очерченные губы приоткрывались и тянулись к нему, как наяву. Он сжал голову руками и встал с постели. «Надо идти к ней» и сразу же «что это я, как мальчишка?».

За окнами вновь раздались голоса, смех. Стас вышел на балкон. В соседнем дворе встречали гостей. Хлопали двери машин, мужчины носили свертки, сумки, что-то живо обсуждали. Женщины, собравшись в круг, весело обменивались новостями, дети мелькали по всему двору между деревьев. Наконец в одной из женщин он разглядел Ольгу. Она была в белом сарафане, с распущенными по плечам волосами. «Чудесная женщина». Ему захотелось махнуть рукой на приличия и позвать её. Под свободным сарафаном он угадывал каждый изгиб её тела. «О-о, так можно глупостей наделать», мелькнуло в голове.

К Ольге подошел мужчина, как-то по-дружески, сбоку, плечом к плечу обнял ее, что-то сказал, потом чмокнул в щеку. Он был выше ее, и она улыбочиво смотрела, приподняв голову ему в лицо, что-то отвечала. Потом они, так же обнявшись, прошли в дом. «Чужая». «Не моя». Она уже забыла обо мне, а во мне все еще страсти кипят, хлопнул себя по лбу.

Стас вернулся в комнату. А в голове, как дятел за окном, стучала мысль, что эту ночь он провел с женщиной, с которой должен был встретиться давно, и уже давно не расставаться. А может такое быть, что он с ней уже встречался? И не заметил! И сейчас ему дали возможность посмотреть на упущенный «вариант»? И затяжной, странной командировкой ему вдруг показалась вся «благополучная», прожитая жизнь. Посидел, подумал. «Чепуха какая-то, наваждение. Эдак можно и дров наломать». А потом: «Вот так люди бегут от самих себя».

Прибрал комнату, достал из сумки листок бумаги и написал Андрею записку. Подписался почему-то – «мастер». Решил, что потом объяснится с Андреем. Положил на видном месте и направился к дверям. В углу чиркнул до этого молчавший сверчок. «Напоминаешь?», усмехнулся Стас. «Осуждаешь?» «Может быть, ты и прав. А я вас теперь никогда не забуду».

Ma sherie

– Свет, глянь, он уже второй раз к ней заглядывает.

– Кто? К кому?

– Ой, ну ты, можно подумать, не понимаешь. Посмотри, – Машенька, экономист, кивком головы показывает на открытую дверь главного бухгалтера.

Девчата сидят в большом светлом офисе с окнами в две стороны. Одна в зеленый парк, другая в производственный цех, расположенный этажом ниже. Работники цеха называют их офис «конторой». В конторе три двери, одна главного бухгалтера, притягивающая сейчас взгляды девчат, вторая ведет в приёмную, с красавицей секретаршей и кабинетами директора и его зама по производству. А третья – входная, за ней лестница, ведущая в цех и выход на улицу.

Машенька, яркая блондинка, с чудесными ямочками на щеках, расположенными в положении для красавиц такого типа месте, и пропадающими только в одном случае – когда она сильно открывает рот. А делает так она в тех случаях, когда ей хочется показать крайнюю степень удивления. Она широко открывает глаза и складывает губы в красивую, так она считает, фигуру овал. Машеньке двадцать три года, но вот, по-видимому, наличие этих ямочек и лёгкая полнота, позволяет мужчинам всех возрастов, включая моложе, называть её Машенькой, иногда Мальвиной, и легкомысленно относиться к её желанию выйти замуж. Вольное обращение с её именем она воспринимает благосклонно. Машенька еще ни разу не надевала свадебного платья, хотя в салонах для новобрачных знакомые и сослуживцы заставляли её часто. Так что, нескрываемое внимание Машеньки к представителям мужского пола понять легко. А ведь хотел сказать – сильного. Ох, времена...

Последнее время внимание Машеньки привлекает дизайнер Саша, мастерская которого находится под ними, на уровне цеха. Саша последнее время стал часто навещать их уровень, но стоит ему появиться в их офисе, как он сразу исчезает за дверями главного бухгалтера. Ему под тридцать, он не красив, но чертовски привлекателен, классический шатен с густой, волнистой гривой волос, зачесанной назад и чуть набок. Одевается небрежно, но дорого. Уж Машенька в этом разбирается. Ей бы очень хотелось, чтобы он обратил внимание на неё, но он вежливо кланяется в их сторону, или салютует рукой и..., исчезает за дверью все того же главного бухгалтера. Еще Машеньке достоверно известно, что Саша холост, или разведен..., или вообще никогда не женился. Ну, какое это имеет значение! Главное, что он свободен. И вот! Он в очередной раз исчезает за этой дверью. И к кому он ходит!? Машенька в душе негодует. За дверью кабинета главного бухгалтера сидит замухрышка, сопливая девчонка, которую генеральный директор требует в рабочее время называть Александрой Владимировной. Но это невыносимо! У них даже имена с Сашей одинаковые.

– Добрый день, тёзка!

Над кипой бумаг, лежащих на клавиатуре, всплыли глаза удивительного голубого цвета с зеленым ободком и желтыми влажными искрами. Над искрами трепещут пушистые черные ресницы, и гнутся цвета сырой соломы тонкие брови. Представляете? Какое редкое сочетание. Нос усыпан едва заметными веснушками. Очевидно, что она их даже не прячет. Уверена в своей неотразимости? Или махнула на себя рукой? Боже мой! А какие у неё светлорыжие волосы с пепельным отливом. Такое Александр Андреевич видел только на полотнах художников ренессанса. Интересно, она об этом знает?

– Но мы с вами сегодня уже здоровались? – брови стали домиком.

– Совершенно верно. Но тогда я сказал – доброе утро. Вы позволите, я сяду?

– Садитесь, – протянула, глаза растерянные – надеюсь, вы по делу? У меня много работы.

– Мон ами, как вы правы! Я сам не люблю, когда у меня отбирают моё рабочее время и не стану этого делать с другими. Но у нас еще время обеденного перерыва, – глянул на часы, – вот, у меня еще четыре минуты. Я успею. А дело у меня очень серьёзное.

Александр Андреевич оперся локтями в стол, положил подбородок на сцепленные руки и еще раз полюбовался желтыми искрами в глазах сидевшей напротив Александры Владимировны. Вздыхнул.

– Вы бы говорили, что у вас за дело? – брови попытались нахмуриться, но искры в глазах выдали настоящее настроение их хозяйки.

Глаза не врут! Глаза – зеркало души, пришло в голову. Э-э, да это в слоган можно забить. Глаза – зеркало..., дальше что там? Ладно, в другой раз. Александр Андреевич понял, что сейчас действительно встанет и уйдет, ничего не сказав Саше и в очередной раз не продвинувшись ни на шаг. Да что это я, как мальчишка!

– Саша, давайте сегодня вместе поужинаем?

Глаза никогда не врут! Теперь они серьёзные. О-о, только не начать бы сейчас городить чепуху. Эту девушку с золотыми волосами, пожалуй, нельзя обижать.

– Обеденное время закончилось. Оставьте меня.

И когда он встал.

– Зачем вы так со мной?

Вот. Доигрался? Что ты чудовище делаешь? Привык к беспроегрышной игре? Так, чтобы только наживку забросить и можно дремать, сама приплывет и в садок прыгнет. Решил и с этой девчонкой так же. На нестандартную красоту посягнул, на золотые волосы? Решил, что она не понимает, что она красавица необычная. Не знает, что таких, как она, на миллионы – штучно. Решил, что она себя за дурнушку держит? За неудачницу? А ведь ты, мерзавец – попал в точку, ты все понял правильно! После её последних слов, после этого вопроса все стало на свои места. Ты циничная коварная тварь! А её глаза говорят только правду. Александр Андреевич развел руки в стороны и так и пошел к дверям. Молча, с растопыренными руками вышел в офис. Так глупо он еще никогда не выглядел. Во всяком случае, за последние несколько лет.

– Ой! А чёйт с вами? Чёли аванс не подписали? Машенька приложила тыльную сторону ладони к подбородку и сделала невинные глазки Александру Андреевичу.

– Вы не там, Шура, ищите, кто вам подпись поставит. Я вам любой аванс подпишу.

– Что? Какой аванс? – растерянно глянул на Машеньку.

– Шура, я так давно не пила мартини. Давай посидим сегодня вечером в «Липовой роще»? Давай? Ты какой любишь? Мартини бянько или мартини роса?

Машенька перегнулась через стол и, отгородившись от соседки Светланы ладошкой, шептала, благо Александр Андреевич стоял рядом. Дизайнер ещё несколько секунд помолчал, тряхнул головой и снисходительно погладил Машенькино круглое плечо.

– Россо. Запомни – мартини рос-со! – и пошел на выход.

– Ага, пойдём, покурим.

Уже на площадке она догнала дизайнера и дернула за рукав.

– Шура, ну чё ты? Зажигалкой чиркни?

Дизайнер полез в карман. Проход на лестницу ему преградили, видимо, совершенно случайно расстегнувшиеся верхние пуговицы Машиной блузки.

– Мария! А давай-ка, я тебе пуговички застегну, а? Что это они у тебя всякий раз некстати расстегиваются?

– Почему некстати? Я их специально расстегнула. А как иначе с тобой? Ну что стоишь? Обещал застегнуть? А у девушки уже дыханье сперло.

– Сперло? Ну и жаргон у девушки.

– Да брось ты. Я ведь помню классика, там у кого-то с похвал вскружилась голова, и у кого-то дыханье сперло.

– Во-от! Мужчин не обязательно расстегнутой блузкой завлекать, Мария. Иной раз классика делает больше.

– Шурочка! Но вот тебя-то точно классикой не завлечешь. Да и с блузкой, чувствую, не стоит на тебя время тратить. Что, запал на замарашку? Как вас мужиков понять? Вот скажи мне, солнце мое, что для вас в женщине главное? – красиво стряхнула пепел в стоящую на подоконнике пепельницу.

Александр Андреевич криво улыбнулся, спрятал в карман зажигалку и, казалось уже, собрался спускаться в цех, но задержался.

– Маш, а ты не бросайся на мужиков в атаку. Ты вот, как мужика увидишь, так сразу на него, как на амбразуру. А главное? Главное – женщина должна красиво стоять, красиво ходить, сидеть..., лежать. Да? Попробуй мужиков на расстоянии привлекать.

– Поздно уже – на расстоянии. Машенька затушила сигарету, пошла в офис. В дверях обернулась.

– Спасибо за науку, – криво улыбнулась, – учитель.

А Александр Андреевич пошел к себе в мастерскую. Сел в кресло, забросил ноги на стол и попытался увлечься работой. Не увлекалось. Рылся в журналах, заглядывал в интернет. Не получалось. Раздражала палитра цветов, которую хотел бы видеть заказчик, да и работать то вообще не хотелось. Прямо за окном, поблескивая перламутровой синей краской, стоял неделю назад купленная «Renault Logan». Часа через два пробежал пальцами по клавишам, выключая компьютер, смахнул в стол бумаги и уже собрался вставать. В дверь робко постучали и створка приоткрылась. Заглянула Александра Владимировна. Он вскочил, кресло откатилось в сторону, сам он едва ухватился за край стола. А она смущенно глядела на засуетившегося дизайнера.

– Я не вовремя? Вы заняты?

– Нет, конечно, нет, не занят, Александра Владимировна. Поискал глазами стул, на который можно было бы посадить гостью, увидел заваленный бумагами, кинулся к нему, смахнул бумаги на пол и поставил его посреди мастерской.

– Садись. Будь, как дома.

Гостья, оглядываясь, прошла к стулу, села и, подняв на него глаза, помолчала.

– А я вот, – разгладила складки юбки на коленях, – подумала над вашим предложением, и решила принять его.

Голос нерешительный. Александр Андреевич вернулся к себе на рабочее место и сел. А в голове промелькнуло, мол, и кто из нас двоих сейчас в большей растерянности? Ведь, если честно признаться, он к такому развороту событий не был готов. А Александра Владимировна уже спокойно смотрела на него, видимо справившись со своей нерешительностью. Он только сейчас заметил, что в руках у неё была сумочка.

– А ты уже собралась уходить? Рабочий день ведь еще не окончен?

– У меня закончился. И вас могу отпустить, – вдруг улыбнулась, – или вы уже передумали?

– Сашенька! О чем ты?

Через несколько минут они уже сидели в его новеньком «Логане». Александр Андреевич мчал их в ту самую «Липовую рощу», о которой упоминала Машенька. Как-то само собой пришло в голову решение, ехать именно туда. Саша молчала.

– Тёзка, ты хоть обратила внимание, что нас с тобой родители одинаково называли?

– Обратила. Я еще обратила внимание на то, что вы не получив моего согласия, на «ты» ко мне обращаетесь.

– Виноват. В таком случае есть предложение перейти на «ты». Договорились? Официальное предложение. Раз и на всю оставшуюся жизнь.

Он искоса поглядывал на сидящую рядом девушку. И вдруг почувствовал гордость от того, что вот эта девушка, милейшее создание с нежным профилем и огненными с пеплом волосами сидит в его новой машине, рядом с ним, и они едут куда-то, и впереди вечер. Её бы еще приодеть. Да. Надо будет с ней поработать. Мало ли, вдруг придется «в люди» выйти. Знайки её, конечно, оценят.

– На всю жизнь? Вы о чем?

– Саша! Что значит о чем? Обо всей оставшейся жизни. Согласна?

Девушка, широко открыв глаза, смотрела на него. На мгновение в её глазах промелькнула ирония. Показалось? Руки с сумочкой лежат на коленях, как у прилежной ученицы, ремень безопасности прижал её к сидению, полы не застегнутого пиджака раздвинулись, и под блузкой обозначилась не замечаемая раньше красивая девичья грудь. Куда же я раньше смотрел, подумал Александр Андреевич. Он вдруг резко притормозил и прижался к обочине. Повернулся к попутчице.

– Вы зачем остановились? – прищурила глаза и отодвинулась к своей двери.

– Я не могу разговаривать с тобой, милое создание, не глядя на тебя. Давай сейчас о главном договоримся, и поедем дальше. Давай-те, – улыбнулся.

– О чем? – настороженно смотрит на него.

Он, пожалуй, улыбнулся так искренне, что она успокоилась. Они в это время ехали по длинной затененной кронами деревьев аллее, где было мало машин и вовсе не было прохожих.

– Я вот о чем хочу договориться. Во-первых, говорить друг другу – ты. Договорились?

Девушка кивнула.

– Во-вторых, нам надо как-то определиться, кто кого как называть будет. Чтобы не путаться.

– Я и так не путаюсь. У меня память замечательная.

– Я не о памяти. Я предлагаю немного разнообразить наши имена. Да? Например, я тебя буду называть Шурой, Шурочкой или ..., – улыбнулся, – Шери. Ты не против? А ты меня – просто Сашей.

– Ну что вы, как ребенок? Что, разве нельзя друг друга без этих ..., – смутилась, – вот, Шери придумали.

Он шутивно нахмурился. Она поправилась.

– Приду-умал. Я еще не привыкла. Только зачем все это?

– Ты правильно сказала. Привыкнешь. Поехали, Шери. Шери по-французски – милая.

И снова показалось, что в её глазах мелькнула искра иронии. Скоро уже они сидели под кроной старой раскидистой липы, за столиком.

– Знаешь, почему я тебя именно сюда привез?

– Нет. Вот жду, когда ты мне эту страшную тайну откроешь.

Ей еще с трудом давалось «ты». Это было заметно по тому, как она невольно делала на нем ударение. Хотя, чувствовала себя она уже свободнее, по сторонам оглядывалась непринужденно, на Сашу смотрела скорее с любопытством, чем с тревогой. В какой-то момент он даже почувствовал, что Шери рассматривает его с настоящим женским интересом. И поймал себя на том, что никогда, ни перед одной из своих бывших женщин ему не хотелось показаться неповторимым красавцем так, как сейчас.

– Мы сюда приехали, потому, что здесь, как нигде в городе, подают хороший чай.

– Чай? А ты ведь предлагал вместе поужинать? – и вдруг, – а чай..., ну, или кофе, мы можем и дома попить.

Что с тобой случилось, Александр Андреевич? Куда девался покровительственный взгляд и неторопливая мягкость движений? Он не откинулся, он опрокинулся на спинку плетеного кресла так, что оно заскрипело и захрустело. Что сказала эта тихая девочка? Это невинное дитя с лицом девственниц средневековья и золотыми волосами Лукреции Борджиа? Она ведь не должна была говорить это в первый вечер. И вообще, это не её роль, по определению! Погоди. Может быть, она оговорилась? Она, видимо, хотела сказать, что пить чай они будут дома, но каждый у себя. Это твой ум воспринял все по своему, привычно, не допуская отклонений от заученной программы.

– Саша! Что ты так на меня смотришь? Я поспешила? Мы будем заказывать? Девушка ждет.

Шери очень любит рыбу, она давно не ела рыбу, она вообще ни разу не ела такую рыбу, как в этом меню, и они заказали запеченного карпа. Заведение щеголяло местной казачьей кухней, и им приготовили карпа фаршированного кашей. Каша, смешанная с луком и икрой, оранжевой корочкой выглядывала из разрезанного округлившегося как бочонок брюха рыбины. Сам карп лежал на блюде в ворохе разнообразной зелени, бока его подпирала гирлянда не крупной бордовой редиски. В глубокой глиняной миске подали молодую свежесваренную картошку, окутанную лёгкими ароматными струйками пара. Запотевшая прохладная бутылка белого местного вина, огромные на высоких ножках бокалы... Шери сидела с восторженными, как у девочки глазами. Тронула вилкой бок рыбы.

– Мне жалко её трогать, все так красиво.

– Ты же сказала, что голодная.

– Ничего, я потерплю. Погоди, ты меня не сочтешь обжорой, если я еще что-то закажу?

– Шери! О чем ты?

– Я сыр хочу. С большими дырочками. С таким вином едят сыр. Ты не против? Это так вкусно!

Саша уже сидел, привычно опершись на стол локтями и, уложив щеки в ладошки, не скрывая, что любит, наблюдал, как девушка смотрит на сервированный стол, как шевелятся её губы, как щурятся глаза. Ни у кого он не видел такого милого прищура. Что это я, как влюблённый мальчишка, подумал. Этого мне только не хватало.

Александра Владимировна появилась в их рекламной компании недавно. Он уже успел приглядеться ко всем представительницами прекрасного пола, числящимися в штатном расписании компании. Таких, ради которых бы стоило поступиться старым принципом «не связываться с сослуживицами», не нашлось. И он устраивал свою личную холостяцкую жизнь в стороне от производственного коллектива. Появление нового главного бухгалтера прошло для него вначале незаметно. Тем более, что обитали они на разных этажах. Но первая же встреча, близкая, на короткой дистанции, как струя холодной воды из поломавшегося водопроводного крана, заставила его даже головой встряхнуть. Его вызвали к директору, и в дверях он столкнулся с незнакомой девушкой. Он входил, она выходила. И ничего он не успел рассмотреть, кроме зеленых глаз и рыжих волос. Директор был с ним одногодка, кроме того, как специалист Александр Андреевич был на хорошем счету, и это позволяло им общаться в быту на равных.

– Что головой, как конь трясешь? – засмеялся из-за стола директор.

– Это что за гёрла у тебя была? – поинтересовался Александр Андреевич.

Жену хозяина он знал, гёрла на неё явно не походила, поэтому спрашивал смело, не боясь оказаться в неловком положении.

– Слюни утри! Это новый главбух. Понял? Взята для работы, а не для того..., о чем ты уже думаешь, да? А, собственно говоря, что ты в ней увидел? Ой-ой, только не надо на меня так с презрением смотреть. Эстет хренов. Вот терпеть вас, эстетов не могу, а приходится, –

прихлопнул ладонями по столу, – без вас, как показывает жизнь, тоже нельзя. Скучно, блин, без вас. Без хрена, опять же, как показывает жизнь, самые вкусные блюда пресными кажутся.

– А что, такой высококлассный специалист?

– Академик! – директор ввинтил в потолок указательный палец, – у меня на неё, знаешь какие рекомендации? Вас всех разгоню, а её оставлю. И не пропаду, заметь.

– Понял, улетаю.

– Стой, ты мне нужен.

Они поговорили о делах, и Александр ушел к себе. Но проходя мимо двери нового главного бухгалтера, приоткрыл дверь и заглянул в щелку. Девушка стояла спиной к нему, и на фоне окна над её рыжей гривой стоял нимб. Тонкие, выощиенные волосы выбились из стянутого резинкой на затылке узла и горели в солнечном луче золотым ореолом. «Надо же! Золотой одуванчик. Нет, начальник, я такую красоту не упущу» – мелькнула мысль.

– Мы ведь все это не съедим! Я не думала, что у нас в ресторанах такие огромные порции подают.

– Ты когда последний раз в ресторане ужинала?

– На выпускном вечере..., кажется..., после вечера – поправились и поджала губы, – Саша, я боюсь испортить вечер, но вынуждена тебе сказать, что ты дурно воспитан. Или, это ты ко мне так относишься. Но, все равно, постарайся этот вечер вести себя как...

– Шери! Прекрати! Я еще ни к кому так не относился..., трепетно, как к тебе. Честное слово. Ну, чем я тебя обидел?

– Тоном своим. Я, действительно, в ресторанах не ужинаю. И что?

– Боже мой, Шери! Я теперь буду себя контролировать. Приношу свои искренние извинения и ..., признаю, да, признаю, что я плохо воспитан. Я плохо пошутил.

– Хорошо. Я буду относиться к твоим неудачным шуткам снисходительно. Как будто ты мой... сводный брат, да? И никуда от тебя не денешься, – улыбнулась.

– Относись как хочешь, но почему как к брату? Я не хочу быть тебе братом.

– А кем ты мне хочешь быть? – засмеялась.

– Ну-у, мы еще об этом поговорим. Давай выпьем. За тебя.

– Если так, то «за меня» – успеем. Давай за этот чудесный вечер выпьем.

Пригубили вино, Шери сморщила носик.

– Кислое. Я люблю полусладкие вина. И чтобы они розовые были. Да? Ты ведь художник, Саша. Значит, на столе должно быть не только вкусно, но и красиво, – она опять сморщила носик.

– Для тебя розовое – красиво? А ты, как будто, на гламурную девочку не похожа.

– Гламур здесь не причем. Я розовый цвет с детства люблю. Саша, не расстраивайся. Давай другое вино закажем. А это с собой заберем. Да? Здорово я придумала? Давай я закажу. Ты не волнуйся, у меня деньги есть.

Александр Андреевич застыл на несколько секунд, но быстро оправился.

– Причем здесь деньги? Еще этого не хватало! Чтобы за моим столом женщины расплачивались, – он махнул рукой в сторону проходящей мимо официантки, – девушка!

Пока подходила девушка, он не спускал удивленного взгляда с Шери. Вечер преподносил ему сюрпризы один удивительнее и неожиданнее другого. И в этот момент, до того, как подошла девушка, он вдруг понял, что Шери, когда говорила, что чай они будут пить дома, знала, о чем она говорит. Что-то подсказывает мне, что я дико заблуждался – мелькнула мысль.

– Ты хотела заказать вино? Прошу, девушка, примите заказ у моей дамы. А это вино можете забрать. Оно нам не понравилось.

Девушка взяла со стола бутылку и стала рассматривать этикетку.

– Ну, не зна-аю. Это вино у нас так часто заказывают. Хорошо, ничего страшного. Я вас слушаю, – приподняв брови, обратилась к Александре Владимировне.

Шери вдруг преобразилась. Она капризно надула губки и, почему-то глядя на Александра Андреевича, спросила:

– Что-нибудь Розе д'Анжу есть?

– Это Франция? – наморщила лоб официантка.

– Конечно, – обрадовалась Шери, – вот хорошо.

– ... у нас французское шампанское..., в основном. Брют. А вы как сказали?

– Розе д'Анжу. Это розовые вина Долины Луар.

По тому, как она это говорила, казалось, что ей не понятно, как это можно не знать.

Девушка смутилась и, прижав бутылку вина к груди, отступила на шаг назад.

– Вы извините..., я сейчас узнаю..., я быстро.

И убежала. Александр Андреевич, молча, смотрел ей вслед, видел, как она упала грудью на стойку и зашептала с барменом. Наконец осмелился перевести взгляд на Шери. Перед ним сидела та же Александра Владимировна и улыбалась, оглядываясь по сторонам. Как ни в чем не бывало.

– Шери, у тебя прекрасное произношение. Ты знаешь об этом?

– Ты находишь? Спасибо. Знаешь, я пожалуй съем кусочек.

Официантка вернулась минут через пять. С ней к столику подошел молоденький бармен с двумя бутылками. Одну он держал под мышкой, вторую протирал зеленой салфеткой. Отвесил вежливый поклон обоим и обратился к Шери.

– Бонсуар, мадмуазель.

Это развеселило Шери. Она даже в ладоши захлопала.

– Миленький, – она тронула за локоть бармена, – я хорошо по-русски говорю. Тебе не кажется, Саша, что меня за француженку приняли?

При этом она «Саша» с ударением на последний слог произнесла. По-видимому, это окончательно убедило подошедших, что француженка продолжает их разыгрывать.

– Мадмуазель, у нас есть французское вино. И именно Розе д'Анжу, – он приблизил этикетку к своим глазам, затем показал её Александру Андреевичу. Вот, одно – Каберне Фран, второе, – он протянул вторую бутылку, – Каберне Совиньон. Что предпочитаете? Открываем?

Александр Андреевич вопросительно посмотрел на Шери. Никак не готов он был к подобному развороту событий. Куда делась её застенчивость? Что с ней произошло?

– Оставьте обе. Откройте..., – она игриво задумалась и, как бы наугад, указала пальцем на первую бутылку, – вот эту. Каберне Фран?

– Ви, мадмуазель.

– Замечательно.

Шери вдруг задумалась, и пока бармен открывал бутылку, официантка заменяла бокалы, а бармен вновь наливал их, замерла взглядом на Александре Андреевиче. Смотрела, почти не мигая, хотя Саша пытался делать вопросительный вид, улыбался, она взгляда не отводила, и оставалась молчаливо задумчивой. Саша не выдержал, торопливо закурил и отвел глаза в сторону. «Я думал сразом поиграю, а оказалось, в руки бриллиант попал. Да, да – бриллиант чистой воды. Как же она к нам в агентство попала? Где её наш директор нашел? Нет, она должна быть моей! Разобьюсь вдребезги, но она будет моей». Вот так примерно он думал.

Через некоторое время заиграл оркестрик. Трое седовласых незаметно возникли на невысоком подиуме и с первых аккордов дали понять, что они свое дело знают. Пианист, пробежав по клавишам прямыми пальцами, постепенно, импровизируя, вплел мелодию «Осенних листьев» Ив Монтана. Тихим чесом вступил ударник, за ним контрабасист. Последний, долго, прижавшись щекой к грифу, гладил согнутым указательным пальцем струны, жмурясь, как кот,

следил за пианистом и тоже, незаметно глухо затукал, укрыл мелодию бархатом, сделал объемной. Музыка заполнила площадку кафе до последнего глотка воздуха, подчинила себе мысли и настроения, заставила жующих, пьющих и ведущих беседы замолчать и принять позы дремлющих на солнышке нимф. Кулачки и кулаки, ладони и ладошки подперли щеки своих хозяев, и глаза блаженно прищурились. Медленнее стали двигаться между столиков официантки, задумался бармен, все замерли. Воцарила музыка. Хорошая музыка. И только через четверть часа, когда попури на темы осеннего Парижа, казалось, уже шло к завершению, появился саксофонист. Теплый летний вечер его не касался. Он был в старомодном, сильно поношенном сюртуке, надетом на майку и таком же старом котелке, сдвинутом на одно ухо. Этот красавец тоже выдержал паузу. Он долго и тщательно протирал уже покрытый патиной инструмент, пристраивал к губам мундштук и..., без вступления, лихо, попав в такт, врезал «Маленький цветок». Знаете? Да? «Фа-ам – тарам!» Теноровый сакс продемонстрировал свой хриплый роскошный тембр. Всё! Вечер начался с этих аккордов. До этого всё было ожиданием праздника.

Тёзки уже выпили несколько раз, поели и, им бы было трудно в этом признаться, искали тему для разговора. Не было темы! Что замечательно, Саша ведь не пил. Он пригубливал вино, смаковал его на вкус, сказал пару комплиментов вкусу Шери. Самому ему пить – конечно! Конечно нельзя! Он человек ответственный, он за рулем, с ним очаровательная спутница. А Шери не тормозила. Одна бутылка была уже наполовину пуста. И вот, когда грянул саксофон, она прижала ладошки к щекам, и восторженно глядя на Сашу, заявила:

– Саша, милый, как я тебе благодарна за то, что ты меня сюда привез. Ты ведь знал, что здесь такие замечательные ребята?

– Конечно, – промурлыкал Саша.

Она танцевальным жестом протянула через стол руку.

– Ты меня уже приглашаешь?

– Конечно! – Саша явно повторялся.

И они поплыли, поплыли в центр небольшой площадки, замерли и вновь, покачиваясь, поплыли, заскользили. Огненная головка Шери на плече Саши, ноги переплетаются в страстном движении. Саша умеет вести женщину. Этого у него не отобрать. Где он этому научился в наши непростые годы – видимо, неважно разбираться в этом коротком сюжете. Можно сказать только, что так, как они – никто на той площадке не танцевал.

– Шери, какой божественный запах! Это твои духи? – он уткнулся носом в её волосы.

– Что? Что ты спросил? – она была вся в танце.

– Я говорю..., это духи? Какие?

– А-а. Это вода, Саша. Туалетная вода. Но у меня и духи этой фирмы, и гель и..., мне этот запах, как родной. Да?

Саша, благо она не видела, сделал удивленно-значительное лицо. Мол, вон как! Сразу не спросил, но через несколько поворотов:

– А как называются твои...?

– Название? А ты не узнал? Но это же Miss Dior Cherie!

– Да?! Тоже Шери? Вот как я угадал.

– Что ты угадал? – томно спросила, подняв лицо и коснувшись носом его подбородка.

– Твое имя. Я ведь назвал тебя Шери.

– Милый Саша, – она вновь делала ударение на втором «а», – ты меня назвал «шерри», это вишенка. А если хочешь на французский манер девушку называть, говори: «Машери».

Она так и произнесла, он это запомнил, слитно, с ударением на «а» и «шерри» у неё просто прошелестело.

– Да? Ты так считаешь?

– Я так не считаю, так говорят французы. Всё! Ты много разговариваешь во время танца. Пойдем, я еще вина хочу. А потом будем опять танцевать. Они просто великолепны!

Шери повернулась к музыкантам и похлопала в ладоши. Саксофон хрипло засмеялся. Они уже заметили, отметили её. Они уже играли только для неё. Это же всегда так бывает. Для исполнителя всегда находится настоящий, в вибрациях, видимо, совпадающий с ним слушатель. И он исполняет только для него. Ну? Вы ведь сами это замечали. Да? И возможно... – совпадали.

Саша и Шери садились за столик и вновь танцевали. Музыканты, видимо, задались целью сыграть в этот вечер всего Леграна и Лея. Улочки Монмартра взмывали вверх сразу за последним фонарем, ветви каштанов с Парижских бульваров склонились над столиками, саксофон плакал, гортанно хриплый стон его убеждал в реальности видений, а пианисту не хватало клавишей, чтобы рассказать всю правду о вечной любви в городе мечте.

Когда выходила Шери, старики играли дольше обыкновенного и, явно, старались. Саксофонист подходил к краю подиума и играл только для неё, это было видно. Её пламенная головка плыла над столиками, появляясь то с одной, то с другой стороны темной фигуры партнера. Свет фонариков в ветвях, укрывающих веранду, менял цвет её волос с лимонного до оранжевого, вспыхивая искрами и затухая. Всякий раз, когда она уходила к столику, саксофонист старомодно приподнимал котелок и слегка кланялся. За некоторыми столиками раздавались хлопки. Благодарили не только музыкантов, аплодировали и танцующей паре. В какой-то момент Шери подошла к подиуму и протянула саксофонисту руку. Он вновь приподнял котелок, бережно взял её руку и поцеловал. Она что-то сказала ему, он ответил. Саша в этот момент стоял чуть сзади и ясно слышал, что сказал лабух его девушке. Он сказал ей: «Будь счастлива, красавица». Вот так. Значит, эту рыжую бестию считает красавицей не он один. Красавицей её называли не ради красного словца. Вечерний свет совершил магическое превращение и красота восторжествовала.

Чувствовал Саша себя двояко. С одной стороны он был с дамой, пользующейся всеобщим вниманием и почтением. С другой? Не трудно предположить, что не любил Саша вторых ролей. Ему стало скучно. Осталось только одно желание – обладать. Теперь уже обладать не собственной фантазией, обладать признанной красотой, красотой, перед которой преклонялись другие. Проснулся охотник.

Увести Шери из кафе оказалось непросто. Ей хотелось танцевать. Пришлось разыгрывать страстно влюбленного, желающего быстрее оказаться с ней наедине. Шери позволяла ему страстные порывы во время танца, за столиком он садился с ней рядом, обнимал, целовал руки. Она всякий раз увлекала его танцевать. Наконец она уступила. Они встали и пошли к машине. Саше только в очередной раз показался в её глазах ироничный прищур. Но это было, пока они были на свету. В машине, когда он попытался особенно страстно обнять её, она прошептала «не спеши, еще не вечер». Он успокоился и помчал свой «Логан» домой.

Они не доехали до его дома два квартала. Шери положила руку на баранку.

– Останови на минутку.

Саша удивился, но припарковался и машину остановил.

– Что случилось? – он еще ничего не подозревал. Александра Владимировна вышла, аккуратно захлопнула дверь и наклонилась к опущенному стеклу.

– Александр Андреевич, спасибо за приятно проведенный вечер. Все было замечательно. Правда, я не шучу. Спокойной ночи. А я здесь, рядом живу.

«Фа-ам – тарам!»

Котлета

Зал-терраса ресторана на первом этаже отеля, с окнами во всю стену до пола с одной стороны, и противоположной стеной, оформленной под каменную кладку, с охотничьими атрибутами, чучелами птиц на сучьях, головами оленей и кабанов. Столы на тяжелых резных ножках, белоснежные с бахромой скатерти. Стулья с высокими, резными спинками. Столы сервированы сверкающими наборами бокалов граненого стекла и матовыми горками столового фаянса. Пирамиды салфеток темно-зелёного цвета, как молодые ёлочки, безукоризненными рядами создают иллюзию макета регулярного парка.

А за окнами зимний сосновый бор, стеной оранжевых колонн встающий уже в нескольких метрах от окон. Сугробы свежего, выпавшего ночью снега. Утренние, длинные тени, скользящие по волнистым сугробам, под окнами розовые, в глубине леса голубые, до синего. Ощущение единого пространства зала и пейзажа за окнами создают лучи утреннего солнца, проникающие сквозь громадные чистые без штор стекла и отбрасывающие тени одного цвета и на столах, и на сугробах.

В середине зала, у окна две одинокие фигуры. Молоденький, темноволосый, с безукоризненным прямым пробором, официант в профессиональном полупоклоне. На поясе молодого человека такого же, как салфетки, зеленого цвета передник, на согнутой руке полотенце, в другой, опущенной, папка. Весь внимание. Перед ним за столом, подперев щеку кулачком и задумчиво глядя на лес, девушка в немыслимо ярком лыжном костюме. Светлые, небрежно растрепанные волосы контрастируют с не зимним загаром на лице и руках. Выражение лица капризное. А, может, это кулачок, смявший щеку и оттопыривший полные губы, создал такое впечатление. По-видимому, официант стоит здесь уже какое-то время. Потому что, сделав едва заметный шаг к столу, он говорит:

– Я готов стоять рядом с вами до бесконечности, но лучше, если вы обратите на меня внимание.

– Я обратила, – девушка не меняет позы, говорит тихо, – но здесь так красиво! Вы спешите?

– Нет.

– Я тоже.

Молодой человек, улыбнувшись, кивает, берет со спинки соседнего стула белый пуховик и так же тихо:

– Разрешите?

– Конечно, конечно, – лыжница не поворачивается.

– Хм, вы же не видите, что я делаю. А я хочу вашу куртку повесить на вешалку.

– Да что ж ты такой приставучий, а? – поворачивается, – куда вы её несёте? Далеко?

– Нет, вот, у вас за спиной.

Девушка оглядывается и, махнув рукой:-

– Ладно, вешайте.

За спиной у девушки, между столами, вплотную к окну стоит стойка с оленьими рогами. На неё официант вешает куртку и возвращается к девушке. На этот раз он обходит её стол и становится напротив неё. Принимает прежнюю позу, но теперь улыбается и молчит.

Массивная дверь легко поддавалась на толчок рукой, едва слышно тренькнул колокольчик, и в зал вошел ещё один ранний посетитель. Мужчина пятидесяти, возможно старше, лет, с седой, безукоризненной стрижкой, с прямой спиной, не спеша, прошел в цент зала. По пути трогал, как будто ощупывал, спинки стульев, так же неспешно оглядывался, поблескивая дымчатыми очками в золотой оправе, будто искал кого. Одет в тройку из мягкой тонкой ткани «в ёлочку». Прекрасный покрой костюма и осанка делают легкую полноту господина

вполне приличной и даже стильной. Чуть тяжеловатые щеки лежат на синей, в белый горох, косынке в распахнутом вороте белоснежной рубашки. Вошедший остановился в нескольких шагах от стола, где сидит девушка, вскинув брови, с немим вопросом глянул на повернувшегося к нему официанта. Тот, тоже молча, широким жестом руки предложил ему весь зал. Мужчина покачался на носках, глядя на девушку, и подошёл к её столу. Взялся за спинку стоящего напротив неё стула, отклонил на себя.

– Доброе утро. Вы позволите?

– Доброе. А...а, что, за остальными столами вам уже отказали?

Она наблюдала за его проходом от самой двери. Но то, что он подойдет, и его вопрос были, очевидно, для неё неожиданными. Мужчина улыбчиво прищурился.

– Ну, кто же мне будет отказывать? Вы же видите. Никого нет. Так как?

– Но-о. Я как-то не собиралась...

– Вот и прекрасно. Предлагаю позавтракать вместе.

– А вас не будет смущать, что я под давлением дам согласие? – она опять оперлась щекой на кулачок и нарочито захлопала ресницами, глядя в очки мужчины. Было видно, что она оправилась от неожиданности и её уже забавляет ситуация.

– Конечно будет! Конечно! Но никакого давления и нет, – мужчина подхватывает предложенную интонацию, – я непреклонный противник всяческого давления. Навязчивость, это абсолютно не мой стиль! Вы в этом сможете убедиться.

– Я уже убеждаюсь. Это не ваш стиль. Это...

– А хотите, я вам объясню причину моего предложения?

– Вау! – девушка откидывается на спинку стула, – вот это напор! Ну что ж, давайте. Только не навязчиво, – она уже не скрывает иронии.

– Что ж. Я прекрасно понимаю, какое впечатление на вас произвело мое неожиданное...

– Неожданное? Я бы это по-другому назвала.

– Итак. Я всё-таки назову это неожиданным. Хотя бы потому, что оно и для меня было несколько неожиданным.

– Несколько?

– Нет. Мне не нравится ситуация, – сохраняя улыбку, хмурит брови, изображая ворчливого старика, – вы все-таки позвольте мне присесть, иначе я начинаю чувствовать себя оправдывающимся школяром. Если мы не договоримся, я встану.

– А вы конечно к этому не привыкли, да? – лыжница, подняв руки, кокетливо взбивает прическу и доброжелательно улыбается, хотя и не скрывает иронии.

Улыбка воспринимается как согласие, и с помощью подскочившего официанта мужчина усаживается на стул, стоящий напротив девушки. Официант все это время, отступив на пару шагов, с нескрываемым любопытством прислушивался к разговору. Про себя о мужчине уже решил: «Ох, бестия, ох профессионал! Не я буду, если он сегодня вечером не утащит её к себе в номер».

– Я обещал объяснить причину, – «профессионал» разгладил перед собой ладонями безукоризненно ровную скатерть и, как будто любуясь своими руками, помолчал, глядя на них, затем поднял глаза на девушку, – все очень просто и логично. Вы бесспорно обаятельная девушка и вам это известно. Вы здесь, как цветок на снегу, – господин обвел взглядом зал.

Лыжница хмыкнула, стряхнула невидимые пылинки с рукава и, томно подняв глаза на собеседника, удивилась:

– Цветок? Это по поводу моего костюма?

– Совсем нет. Я бы даже сказал, что вам не обязательно носить яркие вещи. Ваше обаяние не нуждается в ярких сигналах.

– Вот вы и ошибаетесь. А в вашем возрасте, пожалуй, уже пора уяснить, что любая женщина, любая, независимо от обаяния, или как вы там мою внешность оцениваете, нуждается

в ярких сигналах. В любое время дня и в любое время года! И в любой ситуации. Если рядом есть мужчина.

– О-о-о! Целая программа! Я к ним отношусь?

– К кому?

– К таким мужчинам.

– Конечно! Такой продвинутый господин. Нет, правда! Вид у вас шикарный. Вы только вошли, я сразу внимание обратила.

– Прекрасно, вот вы сами и закончили мою мысль.

– Какую?

– По поводу того, почему я к вам подошел. Потому, – поднял указательный палец, – что мы оба обращаем на себя внимание. Ну и что было бы, сядь мы за разные столы? Сидели бы с постными лицами, и косились бы друг на друга. Разве не так?

– Не факт. Но принимается, – деланно вздохнула, – убедили: сидим вместе.

– Вы так вздыхаете, вам это в тягость? Я встану.

– Да не сто-о-оит. Вам ведь не хочется вставать. Да и мне прикол.

Официант, решивший, что пришло его время, вышел из-за спины господина и тихим, вкрадчивым голосом спросил:

– Будем заказывать?

– Я ведь вам помешал, – мужчина сделал жест в сторону девушки, – пожалуйста, продолжайте. Вы ведь ещё не сделали ваш заказ?

Официант протянул через стол папку. Девушка взяла её, открыла и, не глядя, захлопнула.

– У вас кофе по-венски подают?

– Венский кофе? Конечно!

– Вот и прекрасно. А шоколадом посыпьте черным. Да? Самым что ни на есть черным.

В этом кофе сверху пудра шоколадная. Знаете?

– Конечно. Я разыщу самый черный шоколад. Только это будет уже не венский кофе.

В венском кофе, насколько я знаю, посыпают пудрой молочного шоколада.

– Поучайте лучше ваших паучат. Да? А мне – черный шоколад. И ещё что можете предложить? Только учтите, мне сегодня ещё на лыжи становиться. Придумайте какую-нибудь булочку.

– А если пирог? Вот прямо сейчас, я уверен, из печи достают румяный, вот такой толщины, – официант показал растопыренными пальцами полную четверть, – яблочный пирог. Это, кстати, конек нашего пекаря.

– О-о! Мамочка. Мой любимый яблочный пирог! Давайте конька. Надо же? Яблочный пирог у него конёк. Он что, у вас – американец?

– Нет, он у нас – грузин. А в пекарском деле – волшебник. И так?

– Несите. Я надеюсь, вы мне не весь пирог принесёте?

– Что вы, конечно, принесу порцию. стакан сока?

– Да, обязательно. Я просто забыла. Апельсиновый.

Господин в это время уже листал отложенную девушкой папку меню. Официант склонился к нему низко и почти на ухо тихо спросил:

– Вы закажете сразу или подождете? Я вернусь быстро.

– Нет, вы знаете, меня напугала толщина вашей папки. Пока я её буду изучать, моя очаровательная соседка, пожалуй, позавтракает и уйдет. Поэтому, если вы позволите, – он обратился к девушке, – я по вашему примеру закажу, не заглядывая в этот фолиант.

– Сделайте одолжение, – девушка вновь подперла щеку кулачком и уставилась на лес за окном.

– Вы действительно не спешите? Я вас не задерживаю? – господин обратился к ней, придерживая за рукав никуда не уходящего официанта.

– Да нет же.

Девушка вновь отвечала, не поворачивая головы. Господин понимающе кивнул, и заговорил с официантом.

– Милейший. Я сейчас вам объясню и надеюсь на вашу сообразительность. Я привык рано и плотно завтракать. Дома это, как правило, яичница на беконе. стакан сметаны..., сыр..., масло. И все это с хорошим ломтем свежего хлеба. И, разумеется, чай. Крепкий. Неплохо бы с мятой. Что скажете?

– А что я скажу? А скажу я, что все реально и будет сей минут исполнено.

Молодой человек самодовольно ухмыльнулся, как бы относя это к своей личной заслуге. И уже было развернулся на пятках, чтобы мчаться исполнять заказ, но неожиданно задержался и обратился к господину.

– Вы знаете, я осмелюсь предложить вам свой вариант. У нас утром готовят прекрасные котлеты по-фламандски. Так вот, я предлагаю в вашей яичнице заменить бекон этой роскошной котлетой. Я уверен, вам понравится. Иначе я бы не рискнул предлагать.

– По-фламандски?... – господин приподнял фасонисто бровь, – это свиная котлета, так ведь?

– Ну конечно! Зажаренная с корочкой котлета. Красавица! Вам её жалко есть будет, вы на неё любоваться...

– Отлично. Не продолжайте. Вы меня убедили.

Официант кивнул и умчался с блуждающей на лице улыбкой. Господин побарабанил по столу пальцами холеных рук, поправил приборы. Девушка продолжала смотреть в окно, и он мог свободно разглядывать её. Лучи утреннего солнца делали свое дело. В искусно растрепанных светлых волосах сверкали розовые искры, пальцы руки, коснувшиеся нежной щеки, казались прозрачными со всеми оттенками красного. Длинные ресницы, пухлые губы, все эти естественные признаки молодости приводили его в умиление. Боже мой, как прекрасна и очаровательна молодость!

– А почему вы решили, что пекарь – американец?

– Что? – девушка оторвала взгляд от окна, – что я решила? А-а, что пекарь – американец? Ничего я не решала. Я просто знаю, что яблочный пирог – любимое блюдо американцев.

– Знаете? Вам приходилось там бывать? Или в книжках читали?

– Я там живу. Вернее, я там учусь. Гарвард. Слышали? – улыбнулась.

Господин перестал барабанить по столу и, изломав бровь, на несколько секунд застыл.

– О-о-о! Конечно, слышал. Как же, как же. Гарвард.

– Гарвард – это университет, а городок называется Кембридж.

– Да, да. Как это вы произнесли – Кембридж. Не по-русски. Очаровательно. И что же вы там изучаете? Если не секрет.

– Конечно не секрет. Меня очень интересует ландшафтная архитектура. Вот её я и изучаю. Я, знаете ли, не согласна с теми, кто считает, что красота спасет мир.

– О-о!

– Да! Я считаю, что зависимость как раз обратная. Чем меньше в этот самый мир вмешиваться и спасать его, тем больше красоты. И нам просто надо уметь жить среди этой красоты.

– М-м-м? Мысль, конечно, замечательная. Да. Но меня, знаете ли, никогда не интересовали глобальные проблемы. И мир меня интересует, тоже, знаете ли, в буквальном смысле. Чтобы не стреляли. Да. Как-то спасением этого самого мира заниматься нет никакой возможности. И не досуг, – опять забарабанил по столу пальцами, – да что же это я, разрешите представиться. Федор Фёдорович. Музыкант. В некотором роде, – с легким поклоном чуть приуныл.

– Ой! – девушка прыснула в ладошки, – простите ради Бога.

– За что?

– Не ожидала. Вы – и вдруг Фёдор Фёдорович. Вот если бы мне предложили отгадать ваше имя, я бы, конечно, стала предлагать Арнольда, Аристарха, с отчеством Викентьевич или там Модестович. Вот такой ряд у меня получается, глядя на вас. Еще раз простите, – она все ещё прятала лицо в ладошки.

Затем упала грудью на стол и, сморщив нос, стала рассматривать руки Фёдора Фёдоровича. Тот не стал убирать.

– Какие красивые! А почему музыкант в некотором роде? Как это понимать? Не совсем музыкант, что ли?

– Нет, почему же.

– Такие руки. Вы пианист, – сказала утвердительно, кивнув себе головой.

– Альтист.

Склонила голову на бок.

– Альтист? Не надо, не поясняйте – я знаю, что это такое. Представьте, я знала до этого только двух альтистов: Юрий Башмет и «альтист Данилов». Да? Оба, сами понимаете, – она жестом показала недостижимость. – И вот вы. Можно? – она положила свою ладошку на руку Фёдора Фёдоровича.

Тот накрыл её своей другой рукой.

– А можно узнать ваше имя?

– Конечно. Маша, – убрала руку. Надо заметить, с усилием убрала. Не очень-то хотел отпускать её Федор Фёдорович.

– Маша... Машенька... вы – само очарование. И имя так гармонично с вами.

– Ну, вот и прекрасно. А то вы как-то напряглись. По-видимому, после моего Гарварда. Это вас отпугнуло? Да?

– То есть? Как? От чего отпугнуло?

– Как от чего? Вы так активно начали меня окучивать, а потом вдруг перешли на какой-то polite conversation. Вы что, решили, что я помешанная на науках девица? Ничего подо-о-обного, Федор Фёдорович. Я – легкомысленная девушка, страсть как обожающая, чтобы за мной ухаживали. А вы, такой respectable, ваше окучивание мне льстит.

– Как много сразу непонятого для меня. То, что вы – сама непосредственность, это очаровательно. Что такое «окучивать», после нескольких повторов, по смыслу я тоже понял. А вот ваш прекрасный английский меня покоряет. Я, опять же, только по теме разговора понимаю, что вы мне говорите. Мне, музыканту, ближе итальянский. С нами даже заезжие дирижеры в основном на итальянском общаются. И то, что нотная грамота пишется на итальянском, вы, надеюсь, знаете?

– Вот как? И что же там пишется? На итальянском?

– А пишется там, должен вам доложить, кроме технических рекомендаций, порой такие вещи, – Федор Фёдорович даже пальцем кому-то погрозил, – авторы порой такие пассажи отпускают! Зачитаешься!

– Боже мой! Как интересно! Вы мне расскажете?

– Что, простите, рассказать?

– Как что? Что пишут эти самые авторы... простите. Нам, кажется, принесли наш breakfast, – Маша повернулась к подходившему официанту и весело потерла руки, – а ну-ка, где «конек» вашего пекаря? Вот это?

Официант уже быстро и ловко сервировал сторону Маши. Прямо перед ней он поставил на небольшом блюде действительно великолепный кусок пирога. С первого взгляда было видно, что он действительно только что из печи. От влажных боков отрезанного куска и глянцевого, розового под снежным кремом, яблок начинки, казалось, ещё шел пар. Маша наклонилась и поманила к себе ладошкой этот пар с ароматом пирога.

– М-м-м, вот это да! Сейчас я буду поглощать эту прелесть. Мне кажется, что я способна съесть весь этот громадный кусок. Да. Буду приходить сюда каждое утро, поедать пироги и заброшу лыжи. Пересяду на саночки, – она уже кромсала ножом и вилкой кусок, – и ребята будут таскать меня за собой по лыжне. И, наконец, я стану толстой и красивой.

Маша улыбнулась восторженно смотревшему на неё Фёдору Фёдоровичу и, глянув на продолжавшего суетиться у стола официанта, легко постучала ножом по блюду. – Миленький, мне счетик сразу, пожалуйста.

– А мне показалось, что вы не спешите, – Фёдор Фёдорович выглянул из-за плеча склонившегося к нему официанта, – что-то изменилось?

– Нет, ничего. Просто должны прийти мои друзья. Они здесь живут недалеко.

Маша уже приступила к пирогу. Ела она его вилкой, клала в рот маленькими кусочками, поэтому говорила короткими фразами, чередуя с едой.

– У нас сегодня утренняя лыжная прогулка. Они сказали, что здесь замечательная лыжня.

– Я, конечно, не специалист по лыжам, но ночью выпал снег. Как это на лыжне скажется? Вы не знаете, молодые люди?

Фёдор Фёдорович, откинувшись на спинку стула, чтобы не мешать официанту, постарался говорить равнодушно. Он даже повертел головой по сторонам, мельком глянув на новых посетителей, уже заполнявших зал, и остановился взглядом на стене, с которой в зал смотрели стеклянными глазами головы оленей и кабанов.

– Этот снег лыжне не помеха, – не отрываясь от своего дела, заметил официант, – стоит по ней пару раз пробежать, и она в полном порядке будет. Ещё лучше будет, чем вчера была.

Фёдор Фёдорович поморщился от бестактности официанта и, выглянув из-за его плеча, спросил у Маши: – А вы, мне показалось, хотели, чтобы я вам что-то рассказал?

– Конечно, хотела. Мы ведь не прощаемся?

– Ну что вы, конечно. Я к вашим услугам, – обрадовался, не скрываясь.

Фёдор Фёдорович взял в руки нож и вилку и чуть подвинул к себе стоящую напротив него тарелку. Громадную, занимавшую почти треть тарелки котлету, румяную, в крупной панировке, окружали яркие, оранжевые, в белом кружки, глазуньи. А сбоку котлету подпирали два небольших маринованных огурчика и несколько веточек зелени.

– Вы меня провоцируете?

Фёдор Фёдорович наколот на вилку один огурчик и, деланно нахмурившись, поднял взгляд на застывшего над ним официанта. Юноша, как будто изображая чревовещателя, отведя глаза в сторону и почти не шевеля губами, предложил:-

Если прикажете, я вмиг организую стопку перцовки, – и, чуть наклонившись, – ледяную!

– Искуситель, – почти простонал Фёдор Фёдорович и, долго посмотрев на Машу, кивнул застывшему в ожидании официанту, – вы мне её вечером организуете. Да? Кстати, Машенька, какие у вас планы на вечер?

– Пока никаких. Но, во всяком случае – не перцовку пить.

– Ну, почему же обязательно перцовку? – Фёдор Фёдорович сверкнул гневным взглядом на официанта. Тот, отступив шаг назад, развел руками и быстро удалился.

– Почему же перцовку? Я думаю, здесь могут найтись прекрасные вина. И, в конце концов, есть много разных приятных и интересных способов времяпровождения. Вечернего времяпровождения, – уточнил.

– Вы приглашаете меня провести с вами вечер?

– А почему нет? Это было бы весьма интересно. Прогулка по заснеженным аллеям, ужин при свечах, приятная беседа. Он, ... тактичный, не побоюсь этого слова, хорошо воспитанный, с богатым опытом человек. Положительным опытом. Считаю нужным уточнить. Она! – перейдя на полусшепот, – молодая, загадочная, обаятельная. Да? Что может быть лучше зимних, долгих вечеров? Вдвоём. Да? Только не говорите «нет».... Подарите мне этот вечер.

– Я подумаю, – Маша маленькими глоточками отпивала кофе, исподлобья разглядывая музыканта.

А Фёдор Федорович, наконец, приступил к своему блюду. Отрезал кусочек котлеты и, удобнее подцепив его вилкой, поднёс к губам. Ноздри тонкого носа расширились, он откровенно обнюхал кусочек котлеты, затем положил его в рот и хрумкнул зажаристой корочкой.

Дальше произошло необъяснимое. Продолжая жевать, он взял котлету из тарелки руками и положил её на ломтик ржаного хлеба. Зажмурился, поднеся этот неожиданный бутерброд ко рту, откусил приличный кусок. Из уголков рта потекли струйки сока, с подбородка капнули на белый воротничок рубашки. Мужчина не замечал этого и продолжал, откусив еще один кусок, жевать, не открывая глаз и неприлично положив локти на край стола. Маша перестала есть и удивленно смотрела на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.